

в условиях боевой обстановки (при условии, что изначально такому должностному лицу было дано поручение о проведении операций по государственным закупкам новых образцов военной техники (вооружения))».

Автор же, может подтвердить вышеуказанное им предположение и тем, что в соответствии с нормой 9 абз. ч.1 п. 82 Устава внутренней службы ВС, на командира (начальника) возлагается обязанность — «организация войскового хозяйства и руководство им лично через начальников родов войск и служб» [8]. При чем, в случае совершения должностными лицами (*командир воинской части и начальник*) такого коррупционного преступления, их действия вполне могут подлежать квалификации и на общих основаниях — т. е. принятие во внимание судом условий объективной стороны общего состава преступления (ч. 1 ст. 430 УК).

Согласно чч. 1 и 2 п. 6 Постановления № 6, «получение взятки признается оконченным преступлением с момента принятия должностным лицом хотя бы части материальных ценностей, а в случае, когда такое лицо отказалось от получения взятки, действия взяткодателя следует квалифицировать как покушение на дачу взятки». Учитывая это, квалификация совершенных военными командирами (начальниками) преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 430 УК в военное время, должна производиться с учетом времени окончания самого преступления (*т.е. могла ли быть достигнута цель получения и (или) дачи взятки*) и рассмотрения возможности применения в отношении должностного лица, принимающего взятку ст. 15 УК — *добровольный отказ от преступления*. Точно также и в отношении ч. 1 ст. 290 УК РФ — квалификация коррупционного преступления, должна производиться с учетом правил, указанных в самой ст. 290 УК РФ, а также времени окончания преступления.

Закключение. Обобщая изложенное, предлагаем:

1) «признать верным внесение в структуру ст.430 УК Республики Беларусь соответствующих изменений, и дополнить их частью 4 следующего содержания, —

«Деяния, предусмотренные частями 1-3 настоящей статьи, совершенные должностными лицами воинского командования в военное время или в условиях боевой обстановки — наказываются....».

С учетом части 4, при квалификации указанного преступления судам также надлежит руководствоваться общими правилами применения норм чч. 1-3 ст. 430 УК.

2) внести в структуру уголовно-правовой нормы ст.290 УК Российской Федерации соответствующие изменения и дополнить их частью 4 следующего содержания, —

«Деяния, предусмотренные чч. 1-3 настоящей статьи, совершенные лицом, занимающим должность военного командира (начальника) в воинских частях (формированиях, соединениях) в военное время или в условиях боевой обстановки» — наказываются.....»

Список цитируемых источников

1. Лукашенко о коррупции: прощения не будет [Белта]. — URL: <https://belta.by> (дата обращения: 02.08.2025).
2. Уголовное судопроизводство. Общие показатели по категориям дел : [Судебная статистика РФ]. — URL: <https://stat.api-пресс.рф> (дата обращения: 16.09.2025).
3. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2024 год [Верховный Суд Республики Беларусь]. — URL: <http://court.gov.by> (дата обращения: 18.09.2025).
4. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2023 год [Верховный Суд Республики Беларусь]. — URL: <http://court.gov.by> (дата обращения: 18.09.2025).
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь: 9 июля 1999 г. № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 фев. 2025 г. № 61-3 — URL: <https://etalonline.by/> (дата обращения: 16.09.2025).
6. О судебной практике по делам о взяточничестве (статьи 430, 431 и 432 Уголовного Кодекса Республики Беларусь) : постановление Пленума Верх. Суда Респ. Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6 : в ред. от 30 сент. 2021 г. № 6 // Верховный Суд Республики Беларусь. — URL: <https://court.gov.by> (дата обращения: 23.09.2025).
7. Уголовный кодекс Российской Федерации: 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г. : одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 31 июля 2025 г. № 282-ФЗ : с изм. и доп. вступ. в силу с 1 сент. 2025 г. // Консультант Плюс. Россия: справ. правовая система (дата обращения: 18.09.2025).
8. Устав внутренней службы Вооруженных Сил Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь от 26 июня 2001 г. № 355 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 23.09.2025).

УДК 341.361

Г. А. Лёвкин

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь

Научный руководитель Н. А. Петровский

ГЕНОЦИД — ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ: К НЕКОТОРЫМ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМ АСПЕКТАМ КВАЛИФИКАЦИИ В НОРМАХ НАЦИОНАЛЬНОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

Введение. Ещё со времен принятия Уставов Нюрнбергского и Токийского военных трибуналов, впервые на международном уровне был закреплён один из основополагающих принципов Международного гуманитарного права — «*принцип индивидуализации уголовной ответственности лиц, совершивших военные*

преступления и другие нарушения Женевских конвенций» (в данном контексте, за совершение преступлений геноцида). Хотя, если мы посмотрим на положение нормы ст. I Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (принята Резолюцией № 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 г.) (далее — *Конвенция 1948 г.*) [1], то увидим, что геноцид вне зависимости от условий мирного или военного времени, будет рассматриваться как серьёзное нарушение норм Международного права. Однако, мы ведь можем и предположить, что такие преступные действия могут совершаться лицом как систематично, так и в разовых (*единичных*) случаях; возникает вопрос — каким образом необходимо проводить отграничение квалификации такого преступления в нормах Национального и Международного гуманитарного права?

Основная часть. Стоит отметить, что после ликвидации ранее указанных автором Нюрнбергского и Токийского военных трибуналов, нормы принятой Резолюцией № 260 (III) Конвенции 1948 г., впервые получили своё практическое применение лишь после 1991 г. Эта дата, ознаменовала не только распад СССР, но и существовавшей на тот период времени Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ), территориальное пространство которой, стало первой отправной точкой не столько совершения преступлений против международного гуманитарного права, сколько систематического совершения умышленных действий по планомерному уничтожению (*истреблению*) посредством применения расовой дискриминации отдельной категории гражданских лиц, проживавших в СФРЮ — «*геноцид*».

Обострение кризисной обстановки на территории СФРЮ, обусловило принятие Советом Безопасности ООН положений Резолюции № 827 от 25 мая 1993 г., которые учредили Устав Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенных на территории бывшей Югославии с 1991 г. (перевод англ.: *International Criminal Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of the Former Yugoslavia since 1991* (ICTY)) (далее — *Устав ICTY*) [2]. Так, впервые в международной судебной практике правовая природа геноцида — как собственное преступление международного характера, была определена нормами п. 2 (а–е) ст. 4 Устава ICTY (*документ утратил юридическую силу в связи с ликвидацией в 2017 г. данного Трибунала; автор дает ссылку на такой источник для определения условий квалификации геноцида и их сопоставления с нормами Конвенции 1948 г.*), на основании которой, для квалификации геноцида в Международном гуманитарном праве необходимо совершение следующих действий:

- ¹ убийство членов такой группы;
- ² причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- ³ умышленное создание для группы жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное ее физическое уничтожение;
- ⁴ меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- ⁵ насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.

Кроме того, учитывая нормы п. 2 (а–е) ст. 4 Устава ICTY считаем верным отметить пределы применения судьями ICTY юрисдикции в отношении преступлений, совершенных на территории СФРЮ. Согласно норме ст. 8 Устава ICTY, судьи Судебных камер ICTY применяли т.н. правило «*территориальной юрисдикции ICTY*», сущность которой обуславливалась тем, что она распространялась исключительно «на территорию бывшей СФРЮ, включая ее сухопутную территорию, воздушное пространство и территориальные воды». На наш взгляд, такой подход к определению «*международной подсудности*» в Уставе ICTY, носил достаточно эффективный характер, поскольку позволял прокурору ICTY осуществлять предварительное расследование, ограничиваясь лишь картографическими схемами СФРЮ: ¹ территориальные границы СФРЮ до распада; ² территории государств, образовавшихся после распада СФРЮ (*Хорватия, Босния и Герцеговина, Северная Македония, Сербия, Словения и Черногория*) для определения мест преступлений геноцида.

Учитывая содержание п. 2 (а–е) ст. 4 Устава ICTY об определении признаков объективной стороны состава преступления геноцида на международном уровне, отметим следующий квалифицирующий признак природы такого преступления:

– «*Члены такой группы*», т.е. рассматриваемых как совокупность лиц, отнесенных к гражданскому населению конкретного государства (*и в то же время, которое может находиться в состоянии Вооруженного конфликта*) по индивидуально-определенной этнической, религиозной, национальной, или социальной принадлежности, и выступающих по сути как носитель собственных национальных ценностей и интересов.

Обобщив вышесказанное, мы можем увидеть, что основополагающим признаком отграничения преступления геноцида от того же простого убийства отдельного лица, как правило, служит факт наличия «*группы лиц*», — как единой и устойчивой совокупности физических лиц, которые могут быть объединены рядом общих национальных ценностей, традиций и интересов. Хотя, если мы уже определяем подходы к квалификации геноцида на международном уровне, стоит учитывать и положение нормы ст. V Конвенции 1948 г., определяющей обязанность Высоких Договаривающихся Сторон (*непосредственно принимаются во внимание государства, подписавшие и ратифицировавшие Конвенцию 1948 г.*) «провести необходимое законодательство и, в частности, предусмотреть эффективные меры наказания лиц, виновных в совершении геноцида». Здесь, с нашей точки зрения должен возникнуть достаточно справедливый вопрос: «*Если же, принимая во внимание ст. V Конвенции 1948 г., когда каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуется закрепить в нормах своего законодательства уголовную ответственность лиц за совершение преступлений геноцида, то каковы критерии отграничения квалификации преступления такого характера должны существовать в Национальном и Международном гуманитарном праве?*».

Ответ на поставленный вопрос, мы попытаемся дать посредством применения метода сравнительно-правового анализа норм уголовного права индивидуального государства-участника ООН и общими положениями международного гуманитарного права (для примера, в качестве индивидуального государства-участника ООН, возьмем Республику Беларусь).

1. *Нормы Национального уголовного права Республики Беларусь*: Уголовное право Республики Беларусь, впервые произвело имплементацию норм Конвенции 1948 г. лишь после принятия 9 июля 1999 г. Уголовного кодекса (далее — УК) [3]. В нем, и на текущий 2025 г. остается актуальной норма ст. 127 УК — геноцид; проведем юридический анализ указанной нормы:

Статья 127 УК.

– Действия, совершаемые с целью планомерного уничтожения полностью или частично какой-либо расовой, национальной, этнической, религиозной группы или группы, определенной на основе любого другого произвольного критерия, путем убийства членов такой группы или причинения им тяжких телесных повреждений, либо умышленного создания жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение такой группы, либо насильственной передачи детей из одной этнической группы в другую, либо принятия мер по воспрепятствованию деторождению в среде такой группы (геноцид), – наказываются лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати пяти лет со штрафом или без штрафа, или пожизненным лишением свободы, или смертной казнью.

Как мы можем увидеть, налицо «чистая» описательная диспозиция и альтернативная санкция. Из анализа данной уголовно-правовой нормы достаточно четко можно проследить следующий контекст — в диспозиции ст. 127 УК, слово «действия» (с учетом того что норма уже имплементирована) используется во множественном числе, что на наш взгляд уже показывает систематичный характер совершения физическим лицом таких преступных действий. Характер систематичности совершения преступлений, определяется нормой ч. 15 ст. 4 УК как «признак, указывающий на совершение более двух тождественных или однородных правонарушений». Но, если обратиться к норме п. 1 (а) ст. 13 Римского статута Международного уголовного суда (**перевод англ.:** *International Criminal Court (ICC)*) (принят 17 июля 1998 г.) (далее — *Статут ICC*) [4], то мы увидим, что ICC способен осуществлять юрисдикцию в отношении преступлений геноцида если возникшая ситуация, будет рассматривать «совершение одного или нескольких таких преступлений». С нашей точки зрения, это позволяет сказать, что происходит т.н. процесс «замыкания» критериев отграничения квалификации преступления геноцида как на национальном, так и на международном уровне.

Для того, чтобы «разомкнуть» правовую неопределенность в способах квалификации такого преступления, в первую очередь, посмотрим на Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 17 декабря 2002 г. № 9 о судебной практике по делам об убийстве (далее — *Постановление № 9*) [5]. Норма ч. 2 п. 3 Постановления № 9 четко определяет, что при установлении умысла лица в убийстве «суды учитывают в частности, способ и орудие совершения преступления, количество, характер и локализацию ранений и иных телесных повреждений». Обратим сразу же внимание на использованное в норме Постановления № 9 слово «количество», которое прямо указывает на возможность принятия во внимание судом ч. 15 ст. 4 УК, т.е. когда преступление могло совершаться в систематичном порядке. В связи с этим, считаем верным также провести анализ нормы ч. 1 п. 5 Постановления № 9, когда убийство двух или более лиц может быть квалифицировано по п. 1 ч. 2 ст. 139 УК в случае, если «действия виновного охватывались единством умысла и были совершены, одновременно, без разрыва во времени».

Но каким образом нормы ч. 2 п. 3 и ч. 1 п. 5 Постановления № 9 могут быть соотнесены с квалификацией преступлений геноцида на национальном уровне? Ответ, на наш взгляд достаточно прост: «Если мы будем учитывать ч. 15 ст. 4 УК, а из указанных норм Постановления № 9 мы возьмем за основу такие слова как «количество», «единство умысла» и «отсутствие разрыва во времени», то сможем справедливо отметить, что квалификация геноцида в национальном праве, должна производиться с учетом количества фактически совершенных и доказанных преступных действий геноцида (*учитывая правило ч. 15 ст. 4 УК*), охвата единства умысла лица (*отсутствие эксцесса исполнителя*) и отсутствия разрыва во времени».

При этом, с нашей стороны будет справедливо учесть, что фактический порядок квалификации геноцида в Национальном праве должен опираться и на положение норм п. 1 (а и d) ст. 17 Статута ICC. Согласно указанным нормам, правовыми основаниями вынесения ICC отказа в принятии дела к своему производству, являются такие обстоятельства как «данное дело расследуется или в отношении его возбуждено уголовное преследование государством, которое обладает в отношении его юрисдикцией, либо такое дело не является достаточно серьезным, чтобы оправдывать дальнейшие действия со стороны ICC». Но опять таки, даже учитывая ч. 15 ст. 4 УК и п. 1 (а) ст. 13, п. 1 (а и d) ст. 17 Статута ICC все равно будет возникать факт правовой неопределенности в квалификации геноцида на международном и национальном уровне в той связи, когда невозможно четко определить само количество таких совершенных лицом преступлений, чтобы ICC, руководствуясь п. 1 (d) ст. 17 Статута ICC мог отклонить заявление государства о принятии дела к своему производству. На наш взгляд, единственным разрешением проблемы такой правовой неопределенности, видится лишь применение судами Республики Беларусь правила «систематичности совершения преступлений» в порядке ч. 15 ст. 4 УК, т.е. когда фактически, преступления геноцида могут быть квалифицированы по национальному уголовному праву в случае совершения лицом исключительно двух или более тождественных деяний. Но, в то же время полагаем обратить внимание белорусского законодателя на необходимость

внесения в норму ч. 15 ст. 4 УК следующего дополнения: «установить промежуток в количестве совершаемых лицом деяний, исходя из которых геноцид может подлежать квалификации на национальном уровне» (например — два или более тождественных деяния но не свыше четырех таковых).

2. *Нормы Международного гуманитарного права (с учетом Конвенции 1948 г.)*: Как уже ранее указывалось автором, для квалификации преступления геноцида на международном уровне (учитывая нормы п. 1 (а) ст. 13, п. 1 (а и d) ст. 17 Статута ИСС), необходимо чтобы оно (*преступление*) совершалось один или определенное количество раз. Однако, мы полагаем что первоначальным источником для проведения расследования дел о геноциде, должен служить как правило *акт агрессии государства*. Ещё в своё время, 14 декабря 1974 г. Генеральной Ассамблеей ООН была утверждена Резолюция № 3314 (XXIX) об определении агрессии в Международном праве (далее — *Резолюция № 3314*) [6]; согласно ч. 1 ст. 1 Резолюции № 3314 агрессией признается «применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства», т.е. когда государство, пренебрегая правилом объявления войны, осуществляет военное вторжение на территорию иного государства, что является преступлением агрессии подпадающим под юрисдикцию ИСС в порядке п. 1 (d) ст. 5 Статута ИСС.

Кроме того, если мы еще раз обратим внимание на ранее указанные в п. 2 (а–е) ст. 4 Устава ИСТУ признаки объективной стороны состава преступления геноцида, то они лишь были «*перекодификацией*» норм пп. а–е ч. 1 ст. II Конвенции 1948 г. (*содержит те же объективные признаки состава преступления геноцида*); однако, если мы посмотрим на положение норм пп. а–d ч. 1 ст. III Конвенции 1948 г., то увидим что каждое физическое лицо подлежит наказанию за следующие деяния: ¹⁾ геноцид; ²⁾ заговор с целью совершения геноцида; ³⁾ прямое и публичное подстрекательство к геноциду; ⁴⁾ покушение на совершение геноцида.

С учетом анализа вышеуказанных норм, можно смело предположить, что некоторые из таких преступных деяний международного характера и не могут быть имплементированы в нормы Национального уголовного права, в связи с чем, собранные по ним материалы должны подлежать рассмотрению исключительно в том Международном уголовном суде, который обладает необходимой юрисдикцией. В этом случае и с учетом предложенного автором выше дополнения об установлении в нормах национального уголовного права промежутка в количестве совершаемых лицом деяний, достаточно эффективным будет применение положений п. 1 (а и d) ст. 17 Статута ИСС. Это, конечно позволит существенно отграничить компетенцию рассмотрения дел о преступлениях геноцида как судами Республики Беларусь, так и ИСС в целом.

Заключение. В ходе проведенного исследования об определении критериев отграничения квалификации преступления геноцида на национальном и международном уровне, мы можем сделать следующий вывод общего характера: «*Для целей квалификации преступления геноцида на национальном уровне, судам необходимо руководствоваться правилом «систематичности совершения преступлений» в порядке ч. 15 ст. 4 УК; Международное гуманитарное право должно производить квалификацию преступлений геноцида, опираясь на нормы Конвенции 1948 г., учитывая при этом п. 1 (а) ст. 13 и п. 1 (а и d) ст. 17 Статута ИСС.*».

Список цитируемых источников

1. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него : [Welcom to the United Nations]. — URL: <https://www.un.org> (дата обращения: 18.06.2025).
2. Устав Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения Международного гуманитарного права, совершенные на территории Бывшей Югославии : [Welcom to the United Nations]. — URL: <https://www.un.org> (дата обращения: 18.06.2025).
3. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 фев. 2025 г. № 61-3 — URL: // <https://etalonline.by/> (дата обращения: 05.09.2025).
4. Римский статут Международного Уголовного Суда : [Welcom to the United Nations]. — URL: <https://www.un.org> (дата обращения: 20.06.2025).
5. О судебной практике по делам об убийстве : постановление Пленума Верх. Суда Респ. Беларусь от 17 дек. 2002 г. № 9 : в ред. от 31 марта 2022 г. № 2 // Верховный Суд Республики Беларусь. — URL: <https://court.gov.by> (дата обращения: 20.06.2025).
6. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН об определении агрессии : [Welcom to the United Nations]. — URL: <https://www.un.org> (дата обращения: 20.06.2025).

УДК 341.641

Г. А. Лёвкин

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь

Научный руководитель Н. А. Петровский

ОТДАЧА ПРЕСТУПНОГО ПРИКАЗА В БОЕВОЙ ОБСТАНОВКЕ: К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ КВАЛИФИКАЦИИ И СООТНОШЕНИЯ СТ. 438 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА СО СТ. 33 РИМСКОГО СТАТУТА (СТАТЬЯ 33 — ПРИКАЗЫ НАЧАЛЬНИКА И ПРЕДПИСАНИЯ ЗАКОНА)

Введение. Окончание работы Нюрнбергского и Токийского военных трибуналов, позволило «передать на руки» ученым и юристам-международникам документы о содержании приговоров этих судов. Проводя анализ полученных документов, впервые перед доктриной *International Humanitarian Law* предстал